
ЛИНГВИСТИКА

О.В. МАРЬИНА¹

Алтайский государственный педагогический университет

Н.Н. Будникова²

*Восточно-Казахстанский государственный университет
имени С. Аманжолова*

ВНУТРИТЕКСТОВЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИНТАКСИСЕ (ОСНОВАНИЯ ВЫДЕЛЕНИЯ)

В настоящем исследовании описываются основания выделения внутритекстовых интеграционных процессов, таких, как повтор, конструирование чужой речи, усложнение сложного предложения. Актуальность исследования заключается в том, что в нем впервые выделяются основания, обусловленные взаимодействием компонентов синтаксического процесса, которые позволят отнести его к интеграционному процессу. В качестве оснований мы определили следующие: структурно-семантическое единство, наличие формальных показателей связи между компонентами синтаксического процесса / синтаксическими процессами, отсутствие шрифтовых (внелингвистических) маркеров. Материалом для исследования послужили прозаические художественные тексты, созданные на рубеже XX – XXI веков.

Ключевые слова: синтаксический процесс, интеграционный синтаксический процесс, внутритекстовый интеграционный процесс, основания выделения интеграционных синтаксических процессов.

O.V. MARYINA

Altai State Pedagogical University

N.N. BUDNIKOVA

East Kazakhstan state University named after Amanzholov

INTRA-INTEGRATION PROCESSES IN THE SYNTAX (THE BASIS OF ALLOCATION)

This study describes the grounds for the allocation of intra-integration processes, such as repetition, construction of another's speech, and complication of complex sentences. The relevance of the study lies in the fact that for the first time, it highlights the basis due to the interaction of the components of the syntactic process, which will include it to the integration process. As a basis, we have identified the

---

¹ Ольга Викторовна Марьина, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и русского языкознания Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул)

² Наталья Николаевна Будникова, магистр филологии, старший преподаватель казахской, русской филологии и журналистики Восточно-Казахстанского государственного университета имени С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан)

following: structural and semantic unity, the presence of formal indicators of the relationship between the components of the syntactic process / syntactic processes, and the absence of font (non-linguistic) markers. The materials for the study were the prose literary texts created at the turn of the XX–XXI centuries.

Keywords: syntactic process, syntactic integration process, intra-integration process, the basis of syntactic integration processes allocation.

В настоящее время наблюдается активное исследование синтаксических процессов, которые рассматриваются с позиций динамического синтаксиса (В.А. Мишланов, Л.Н. Мурзин), социальных факторов (Л.П. Крысин, И.А. Мартьянова), аналитических тенденций русского синтаксиса (Г.Н. Акимова, Н.С. Валгина), лингвокультурологии (А.А. Вердеш, Е.А. Покровская), функционирования того или иного процесса в художественных текстах (Е.А. Иванчикова, Н.А. Кожевникова), коммуникативного подхода (Г.А. Золотова, М.Ю. Сидорова), интеграции и дезинтеграции (О.В. Марьяна, А.А. Чувакин).

Актуальность исследования, выполненного в русле динамического синтаксиса, состоит в том, что в нем впервые выделяются основания, обусловленные взаимодействием компонентов синтаксического процесса, которые позволят отнести его к интеграционному процессу. В качестве материала исследования были взяты художественные тексты, созданные на рубеже XX – XXI вв. Единица анализа – предложения и сложные синтаксические целые (общим числом – 2750 единиц).

Интерес к изучению интеграционных процессов в синтаксисе возник во второй половине XX века (А.Г. Акимова, И.Р. Гальперин, Е.А. Иванчикова, Н.А. Кожевникова, О.В. Марьяна, Е.А. Покровская, А.А. Чувакин и др.). Основанием для изучения интеграционных и дезинтеграционных синтаксических процессов послужили работы специалистов в области художественного текста, в том числе исследования И.Р. Гальперина [1980, 2008] и А.А. Чувакина [2003, 2008].

И.Р. Гальперин не только соотнес такие понятия, как «связность», «целостность», «интеграция», «завершенность», но определил интеграцию как «объединение всех частей текста в целях достижения его целостности» [Гальперин, 1980, с. 513]. Исследователь указывал, что интеграция – это не только свойство текста, но и процесс. По его мнению, интеграция обеспечивает осмысление содержательно-фактуальной информации и подводит читателя к раскрытию содержательно-концептуальной информации. И.Р. Гальперин отметил, что именно содержательно-концептуальная информация, «частично содержащаяся в отдельных отрезках текста» является основным условием процесса интеграции.

Поворотным моментом в изучении интеграционных и дезинтеграционных синтаксических процессов стало появление статьи А.А. Чувакина «Интеграция / дезинтеграция в синтаксисе художественного текста на рубеже XX – нач. XXI вв.» [Чувакин, 2003], в которой автор наметил перспективы изучения устройства современного художественного текста через синтаксические процессы интеграции и дезинтеграции.

Интеграция как синтаксический процесс, по нашему убеждению, представляет собой объединение компонентов синтаксических процессов или самих синтаксических процессов. Мы выделяем процессы внутритекстовой интеграции и межтекстовой интеграции. Остановимся на внутритекстовых синтаксических процессах: синтаксическом повторе, конструировании чужой речи, усложнении сложного предложения. Интерес к этим процессам обусловлен тем, что, во-первых, указанные процессы относятся к уровню взаимодействия составляющих одного текста; во-вторых, данные процессы соотносятся с уровнем взаимодействия текстовых составляющих (повтор, конструирование чужой речи, усложнение сложного предложения) и уровнем взаимодействия самих синтаксических процессов (усложнение сложного предложения). Мы предполагаем, что у названных процессов должны быть одинаковые / похожие основания, которые обособленно или во взаимодействии друг с другом позволят отнести их к процессам, в которых наблюдается соединение, тесная взаимосвязь компонентов.

Основания интеграционных синтаксических процессов:

1. Структурно-семантическое единство между компонентами синтаксического процесса / синтаксическими процессами

Любой художественный текст / фрагмент художественного текста реализует «не только смысловые, но и структурные потенции всей грамматической системы и, в особенности, грамматической системы построения» [Казарян, 2009, с. 331]. Считаем, что структурные и семантические характеристики фрагмента текста сосуществуют и влияют друг на друга: мысль автора находит свое отражение в выборе грамматических конструкций, и, наоборот, через грамматические конструкции читатель воспринимает мысль автора. Структурно-смысловая организация текста в целом и фрагмента в частности предполагает отбор языковых элементов и актуализирует их в логической последовательности.

Под структурным единством понимаем связность высказываний, межфразовых единиц на синтагматической оси, отображающей линейное развертывание повествования. Семантическое единство текстового фрагмента связано с внешним выражением его смысловой (тематической) и коммуникативной целостности и «определяется единством его темы, под которой понимается смысловое ядро текста, конденсированное и обобщённое содержание текста» [Аревкина, Крушняк, Крылова, 2017, с. 405].

Важными составляющими структурного единства выступают хронологические рамки текстового фрагмента, тип повествования и композиция текстового фрагмента. Остановимся на каждом из них.

Грамматическим средством координации времени являются видовременные формы глаголов, которые в художественном тексте соотносятся не с моментом речи, а с текущим моментом текстового времени [Падучева, 2010]. Существенным для интеграционных процессов становится возможность видовременных форм выражать «объективные хронологические соотношения между действиями – их одновременность (параллелизм), предшествование или следование во времени, наступление события на фоне другого, продолжающегося» [Маслов, 2004, с. 311].

Тип повествования, согласно исследованиям [Марьина, 2006, 2008, 2012, 2015], становится одним из факторов, порождающих процессы интеграции современных прозаических текстов. В лингвистике выделяют две ключевые формы повествования – от 1-го лица и от 3-го лица (Н.В. Барковская, Е.А. Иванчикова, Н.А. Кожевникова, О.В. Марьина), сказ и несобственно-прямая речь представляют смешанный тип повествования (С.А. Байкова, В.А. Кухаренко).

На взаимозависимость структуры текста и его композиции указывает Н.С. Валгина, которая подчеркивает, что «единицы семантико-грамматического (синтаксического) и композиционного уровня находятся во взаимосвязи и взаимообусловленности» [Валгина, 2003, с. 15]. Для интеграционных процессов композиционное единство представляется общим: способ развития мысли – последовательный, а логическое движение мысли – горизонтальное.

Семантическое единство проявляется в единстве темы, микротемы, достигается повторяющимися элементами, логическими отношениями между ними. О семантическом единстве текстового фрагмента можно говорить, если в данном фрагменте сообщается об одном и том же предмете реальной действительности [Москальская, 1981]. Семантическое единство представляет совокупность предметного содержания текстового фрагмента, «выделенное в сознании, сформированное в определённой культуре, а тем самым и приобретаем в ней определённый смысл» [Аревкина, Крушняк, Крылова, 2017, с. 404].

Итак, структурно-семантическое единство интеграционных процессов проявляется во взаимосвязи компонентов синтаксического процесса, в основе которой лежит, с одной стороны, хронологическое пространство, тип повествования, композиция текстового фрагмента, с другой стороны, единство темы, микротемы, последовательное сцепление компонентов интеграционного процесса на основе «логического следования, соположения, выводимости» [Григорьева, 2007, с. 40].

Таким образом, структурно-семантическое единство является основанием внутритекстовых интеграционных процессов, в которых наблюдается сохранение семантического единства компонентов при определенной модификации структурных элементов, ограниченных условиями протекания конкретного интеграционного процесса. Каждый синтаксический процесс обладает своим «набором» структурных элементов, реализация которых включает механизм взаимодействия компонентов интеграционного процесса, результатом чего становится их объединение.

Проследим, как названное основание позволяет отнести синтаксические процессы к интеграционным.

Синтаксический повтор есть «неоднократное появление в определенном отрезке языковой единицы на соответствующем лингвистическом уровне» [Покровская, 2001, с. 144]. Структурные основания повтора могут иметь следующие модификации: единый тип повествования, повествовательное и хронологическое единство / последовательное включение компонентов (возможен хронологический переход: прошлое → настоящее), композиционное строение проявляется в тождественной структуре компонентов процесса. Семантическое единство синтаксического повтора характеризуется общей темой / микротемой компонентов повтора, сообщением об одном и том же предмете реальной действительности, представленным в соответствии с логическим следованием мысли.

Структурно-семантическое единство синтаксического повтора выявляется на уровне предложения, нескольких самостоятельных предложений, абзаца / абзацев: *Пухлый, пестрый, испещренный диковинными марками и наклейками иностранный конверт я долго вертел в руках. Незнакомый почерк. Незнакомый адрес. Незнакомая фамилия. Венесуэла. Каракас. Унгефуг. Кто это может быть?* (Г. Бельгер «В круговерти»).

Компоненты синтаксического повтора – ряд номинативных предложений, характеризующихся бытийной семантикой, где предшествующий и последующий контексты влияют на понимание ситуации в целом [Мокроусова, <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7767>]. Единый тип повествования, хронология фрагмента текста представлена последовательным изменением временных планов: прошлое (вертел) → настоящее абстрактное (синтаксический повтор). В композиционном плане рассказчик объединяет первое и последнее предложения абзаца: конверт от незнакомого человека → кто этот человек. На семантическом уровне наблюдаем сообщение о едином предмете речи, тематическая группа коррелирует с понятием конверт (почерк, адрес, фамилия), конкретизируется именами собственными (*Венесуэла. Каракас. Унгефуг*), анафора (*Незнакомый почерк. Незнакомый адрес. Незнакомая фамилия*) показывает недоумение рассказчика по поводу письма.

Структурно-семантическое единство процесса конструирования чужой речи проявляется во взаимодействии речи автора и героев, следствием которого является интеграция на структурном и семантическом уровнях авторского и чужеречного компонентов. Смена типа повествователя является характерной особенностью процесса конструирования чужой речи. Структурные модификации процесса конструирования чужой речи могут быть следующими: а) единые хронологические рамки авторского и чужеречного компонента / авторский компонент предшествует чужеречному (хронологический переход: прошлое → настоящее); б) тип повествования меняется: во фрагменте текста повествование может вестись от 3-го лица, от 1-го лица, от 1-го и 3-го лица, от 1-го и от 1-го лица. Семантически авторский и чужеречный компоненты связаны единой темой / микротемой, сообщением об одном и том же предмете / субъекте реальной действительности, представленном в соответствии с логическим следованием мысли:

В пакете у Калдыгуль уже лежал на дне мешочек с сочными и мясом с мослами – остатки беша с блюда, который вынесли снохи с большого стола. Кусок был приличный, а мосол мозговой, и если тупой стороной большого ножа со стальным лезвием аккуратно ударить <... > и таким образом разломить косточку, то бульон будет наваристой. Два дня – точно! А может и на третий день останется. На третий день можно оставить тот овощной салат, заправленный маслом. Хотя, если все это сунуть сразу же в морозильник, то ничего страшного: майонез ведь свежий. Эти казактар кидают в казан столько мяса! И закидывают все, живут одним днем.

Хотя это привычка всех бишара – быть расточительными. Смотрите, вот мол, мы какие добрые – угощаем от души. Ешьте, гости дорогие, не жалко, мы не жадные. Даже пословица есть: «Жарлы жомарт болады», то есть «Бедный всегда бывает щедрым» (У. Тажикинова «Ось существования. Роман-пунктир»).

Наблюдаем следующие речевые партии: речевая партия повествователя (*В пакете у Калдыгуль...*) – объективные реалии художественного фрагмента; речевая партия героя – Калдыгуль (*Два дня – точно!...*) – мысли героини по поводу взятой еды и привычек казактар; речевая партия «бишара казактар» (бедных казахов, пренебрежительно) (*Ешьте, гости дорогие, не жалко, мы не жадные.*). В структурном плане речевая партия повествователя представлена планом прошлого (*лежал, вынесли, был*), речевая партия Калдыгуль – планом будущего (глаголы совершенного вида, будущего времени – *останется*; лексические маркеры *третий день*) и планом настоящего (размышления героини о бишара казактар – глаголы несовершенного вида, настоящего времени), речевая партия бишара –

настоящее время (императив *глядите, ешьте*). Наблюдаем смену типа повествования: 3 лицо (повествователь), 1 лицо (Калдыгуль), 1 лицо (бишара казактар). В плане композиции авторский компонент начинает и завершает фрагмент текста, речевая партия Калдыгуль плавно переходит в речевую партию бишара казактар.

Семантический фрагмент объединяет субъект речи – Калдыгуль; тематическая группа «еда»: сочни, мясо, остатки беша (речевая партия повествователя); овощной салат, майонез, мясо (речевая партия Калдыгуль); угощаем, ешьте (речевая партия бишара казактар)

Процесс усложнения сложного предложения характеризуется возможностью включения в себя большого количества предикативных единиц. Важным для процесса усложнения сложного предложения становится структурное взаимодействие компонентов, которые могут быть отнесены к одному / разным временным планам, следовать друг за другом, чередоваться; в компонентах процесса возможно одновременное сосуществование нескольких речевых партий, которые чередуются или последовательно сменяют друг друга, при этом традиционные маркеры смены типа повествования отсутствуют. Семантическое единство проявляется в общей для всех компонентов процесса микротеме:

Помню, за многочасовые прогулки вокруг санатория он читал великопленные строки о «лакеях-люциферах», что-то из рукописи «Дорогой крови по дороге к Богу», несколько стихотворений Ивана Бунина (одно из них он посоветовал мне выучить наизусть), бессметное количество озорных частушек («Мы гуляли, окна били, вышибали косяки. Неужели нас посадят за такие пустяки?») и что-то из солдатского фольклора («И <...> стоял у старшины, как без бензина студебеккер»... Это пелось на мотив песни «Ревела буря, гром гремел». И, повторив эту строку, М.А. восторженно спрашивал: «Скажите, Герольд, разве такой народ можно победить?!») (Г. Бельгер «Я вышел на палубу, а палубы – йок»).

Усложнение сложного предложения происходит за счет взаимодействия нескольких компонентов: основного предложения и вставок, различающихся целью высказывания и эмоциональной окрашенностью: основное предложение и первая вставная конструкция – повествовательные, невосклицательные, вторая и третья вставные конструкции – вопросительные и восклицательные

Семантическим центром, объединяющим компоненты процесса усложнения сложного предложения, является образ М.А. Дудина, поэта, переводчика стихотворений Абая, с которым был знаком автор-рассказчик. На смысловом уровне происходит объединение речевых планов рассказчика (Помню...), героя, о котором упоминает рассказчик, третьих лиц, не названных в тексте.

Таким образом, выделение структурно-семантического единства как основания интеграционных процессов базируется на взаимодействии семантических и структурных составляющих фрагмента текста, включающего в себя интеграционный процесс. На структурном уровне говорим о вариативности структуры интеграционного процесса в зависимости от его вида. Так, для синтаксического повтора характерно видовременное единство компонентов процесса, один тип повествования. В основе процесса конструирования чужой речи лежит включение чужеречного компонента в авторский компонент, следовательно, на структурном уровне происходит интеграция речевых партий (повествователя, повествователя-рассказчика, рассказчика, героя): изменяется тип повествования, меняются видовременные связи компонентов – авторский и чужеречный компоненты могут следовать друг за другом, одновременно сосуществовать в одном временном пласте, одно событие может сменять другое. Процесс усложнения сложных предложений в структурном плане может интегрировать разные типы повествования без включения в предложения специальных маркеров – показателей смены типа повествования. Для вставки как интеграционного процесса характерны один тип повествования, хронологическое единство вставного и включающего компонентов. На семантическом уровне наблюдаем общее для всех интеграционных процессов единство темы и микротемы, логическую последовательность развертывания ситуации.

Структурно-семантическое единство компонентов процесса / синтаксических процессов, на наш взгляд, определяет «глобальную» связность текста / текстового фрагмента, которая интегрирует текст и его фрагменты на тематическом уровне [Валгина, 2003, с. 43].

2. Наличие формальных показателей связи между компонентами синтаксического процесса / синтаксическими процессами

Структурно-семантическое единство компонентов интеграционных процессов проявляется посредством связи между ними, поскольку механизм порождения текста реализуется в языковой форме. Внешне формальная зависимость компонентов процесса проявляется наличием показателей связности – соответствующих языковых единиц, передающих смысловую и структурную целостность.

Под формальными показателями связи, интегрирующими компоненты синтаксических процессов, понимаем лексические, морфологические, синтаксические, стилистические способы связи.

Лексические формальные признаки (лексические повторы, однокоренные слова, тематическая группа, синонимы, антонимы, слова-заместители) позволяют судить о семантическом единстве компонентов процесса: сохранение микротемы и описания / сообщения / рассуждения предмета художественной действительности.

Проявление морфологических формальных признаков (однотипность / разнородность видовременных форм, сохранение / изменение морфологических категорий слов, входящих в компоненты процесса, местоименные слова) в компонентах интеграционных процессов вариативно. Связано это с особенностями каждого интеграционного процесса. Например, для синтаксического повтора однотипность видовременных форм становится формальным показателем структурной связи [Валгина, 2003, с. 27]; для процесса конструирования чужой речи несовпадающие видовременные формы становятся показателями авторского и чужеречного компонентов; компоненты процесса усложнения сложных предложений могут включать как однотипные видовременные формы, так и разнотипные. Под изменением морфологических категорий понимаем смену в компонентах процесса вида глаголов, лица местоимений.

Синтаксические формальные показатели выявляют логико-семантические связи компонентов процесса и обязательны для интеграционных процессов: каждый интеграционный процесс обладает своими синтаксическими показателями. Так, для синтаксического повтора формальным показателем может являться синтаксический параллелизм. Сочинительные и подчинительные союзы, союзные слова являются показателями логической связи компонентов интеграционного процесса, отражают движение, развитие, сцепление мыслей [Брандес, 2004, с. 94]. К синтаксическим формальным показателям относится сосуществование повествовательных и вопросительных, восклицательных и невосклицательных предложений в составе одной конструкции.

Стилистические формальные показатели могут наблюдаться в процессе конструирования чужой речи и в процессе усложнения сложного предложения, который интегрирует в себя процесс конструирования чужой речи. К стилистическим формальным показателям относим стилизацию речи героев (включение просторечных, жаргонных слов, сниженной лексики) и стилизацию вопросно-ответной формы, свидетельствующей о монологе / диалоге героя.

Важным при анализе формальных показателей становится структура компонентов интеграционного процесса. Так, при взаимодействии компонентов в структуре одного предложения используются преимущественно сочинительные и подчинительные союзы, союзные слова. Если же компоненты интеграционных процессов находятся в разных предложениях, то к союзам и союзным словам добавляются лексические, морфологические и стилистические показатели формальной связности, «обеспечивающие логическую последовательность, взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и пр.» [Гальперин, 2004, с. 74].

В основе одного процесса может быть несколько формальных показателей. Например, для процесса усложнения сложного предложения – это сочетание нескольких видов связи, что обуславливает использование сочинительных и подчинительных союзов для связи компонентов процесса, возможным также является включение в текстовый фрагмент лексических, морфологических и стилистических показателей. Повтор, как синтаксический процесс, может включать лексический повтор, сочинительные / подчинительные союзы. В процессе конструирования чужой речи формальными показателями связи компонентов процесса могут выступать все четыре показателя одновременно.

Проследим, как названное основание позволяет отнести синтаксические процессы к интеграционным.

Так, при **синтаксическом повторе** формальными показателями связи являются синтаксический параллелизм компонентов синтаксического процесса, лексический повтор, местоименные слова: *Старики бубнили молитвенные слова, благословляли его, степенно оглаживали бороды. Говорили: «Э, першыл, кайырлы болсын! Удачи тебе!» Говорили: «Добрый знак. Хорошая примета. Пусть за тобой последуют и наши жигиты, воюющие с собакой Керманом!» И еще говорили: «Ты, Даут, первый из нашего аула, кто вернулся живым-здоровым». Говорили: «Дошла наша мольба до Аллаха и до властей. Сам всевышний послал тебя нам на радость». Потом говорили: «Не отрекайся от того, у кого на лице иман. Ты человек с иманом. Добрый гость – божий посол».* (Г. Бельгер «Дом скитальца»). В приведенном фрагменте синтаксический параллелизм предложений с прямой речью: *Говорили: + «Прямая речь»*, единство видовременной формы глагола слов автора (*говорили*). Слова-заместители (лексемы *першыл, (за) тобой, тебя, ты, Даут*) свидетельствуют о том, что центральным субъектом фрагмента является Даут (Давид).

При **конструировании чужой речи** формальным показателем связности могут быть лексические (глаголы со значением говорения), морфологические (изменение видовременной формы, морфологических категорий), синтаксические (использование вопросительных, восклицательных предложений, предложений с многоточием, представляющих размышление повествователя / рассказчика / героя), стилистические (в текст включены слова, фразы, представляющие стилизованные речемыслительные особенности повествователя / рассказчика / героя) маркеры.

При введении речевой партии героя формальным показателем может быть изменение лица местоимения в авторском и чужеречном компонентах: *Войдя в свои покои, эмир сразу же приказал вызвать в слуховую комнату супругу, и только она явилась, накинулся на нее с*

упреками. Мол, **твои** идеи насчет бозкуртов, и этого шамана, привели к тому, что Великий хан пригрозил на груди змею. И эти бабские выдумки теперь ставят под угрозу и расположение к ним Великого хана (А. Омар «Синий волк»). В повествование от 3-го лица, на что указывает номинация героев текстового фрагмента (Эмир – он, супругу – ее), включается несобственно-прямая речь героя (эмира), маркером изменения типа повествования становится смена местоимения с 3-го лица (*на нее*) на 2-ое лицо (*твои идеи*).

Процесс конструирования чужой речи допускает использование двух и более формальных показателей: *Переборов смущение, я протиснулся в дверь, и тот час заметил, как оба стражника с недоумением уставились на меня* (Г. Бельгер «Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце»). На переход от авторского к чужеречному компонентам указывают синтаксические формальные показатели – вопросительные предложения (*В самом деле, что здесь этому недоноску, сыну фельдшера-спецпереселенца? Нет ли тут чего такого?..*), свидетельствующие о включении несобственно-прямой речи в авторское повествование.

В процессе **усложнения сложного предложения** формальными показателями интеграции могут быть различные виды лексических повторов, сочинительные и подчинительные союзы, союзные слова: *Он отшатнулся, уперся спиной в гостиничную дверь – словно захлебнулся прозрачным воздухом, настоящим пряностями увядшей травы, и солнце ослепило его, такое не по-осеннему яркое, бьющее в упор, – он отшатнулся, будто и свежий воздух этот и солнце толкнули его назад, в полумрак гостиничной палаты, в коридор, пахнувший щами и хлоркой, и от него требовалось усилие – не так-то просто выйти на волю! – требовалось усилие, чтобы преодолеть этот толчок, это сопротивление света и свежести и только тогда по праву вступить в забытый мир* (А. Лиханов «Голгофа»). На то, что данное предложение усложненное сложное, указывает сочетание нескольких видов связи (фразовый повтор, союз *и*, соединяющий части в составе сложного предложения и однородные члены предложения), усложнение каждой из частей, вставной компонент (*не так-то просто выйти на волю!*) – чужеречный компонент, несобственно-прямая речь, имеет отличную от основного предложения эмоциональную окраску.

Итак, наличие формальных показателей между компонентами интеграционного процесса позволяет проследить смысловую и структурную целостность интеграционного процесса. К формальным показателям относим эксплицитные лексические, морфологические, синтаксические и стилистические маркеры, которые варьируются в зависимости от того, связывают ли они компоненты процесса одного предложения или компоненты самостоятельных предложений.

Каждый интеграционный процесс характеризуется своим «набором» формальных показателей связности, некоторые из которых можно назвать универсальными (лексические маркеры). Другие показатели являются специфическими для каждого процесса, например, для синтаксического повтора формальными показателями связности может выступать единство видовременных форм, а для процесса конструирования чужой речи – появление вопросительных, восклицательных предложений. Процесс усложнения сложных предложений может «вбирать» в себя формальные показатели как синтаксического повтора, так и процесса конструирования чужой речи.

3. Отсутствие шрифтовых (внелингвистических) маркеров между компонентами синтаксического процесса / синтаксическими процессами

Основанием, позволяющим говорить об интеграции компонентов синтаксического процесса, становится отсутствие шрифтовых (внелингвистических маркеров). Л. Воборжил [Воборжил, <http://www.msistika.upol.cz/publikace/voborilkohezekoherence.pdf>], А.В. Богатырев [Богатырев, 2016] отмечают, что рубрикация текста (членение на абзацы, статьи, параграфы, главы), расположение текста на странице становятся формальными графическими средствами связности. Интеграционные синтаксические процессы не используют графические маркеры (курсив, отбивка, шрифтовые варьирования), поскольку указанные маркеры на уровне зрительного восприятия выделяют слова, предложения, абзацы. Отсутствие шрифтовых маркеров, наоборот, позволяет компонентам интеграционного процесса слиться на уровне визуального восприятия текста.

Отсутствие внелингвистических маркеров в процессе **синтаксического повтора** дает возможность акцентировать внимание читателя не на внешних деталях, а на внутреннем содержании текстового фрагмента: *Олжас знает культуру на молекулярном уровне. Он находит зерна тюркизма в разных языках* (Б. Канапьянов «Кофе-брейк»). Однотипное построение предложений (подлежащее – сказуемое – дополнение – обстоятельство) передает восхищение повествователя Олжасом Сулейменовым.

Процесс конструирования чужой речи актуализирует типы повествования и отражает взаимодействие речевых партий повествователя и рассказчика. Внелингвистические маркеры избыточны, так как в процессе конструирования чужой речи речевая партия рассказчика «растворяется» в речевой партии повествователя и может быть обнаружена благодаря формальным показателям:

- *Надо слушать. Арестован Берия...*

- *Как это?.. Лаврентий Павлович?.. Верный друг и соратник товарища Сталина?!!*

Майор Шевцов круто повернулся и уставился на юношу-специпереселенца. Что он? Всерьез? Или насмешичает?.. Нет, тому сейчас не до насмешек (Г. Бельгер «Июль пятьдесят третьего»).

Несобственно-прямая речь Шевцова, включенная в речевую партию повествователя, обнаруживается при помощи синтаксических формальных показателей (вопросительные предложения).

Особенностью усложнения сложного предложения является «растворение» компонентов процесса друг в друге [Марьина, 2012, с. 129], внелингвистические маркеры в этом случае становятся неактуальными:

– *Нет, нет, – уверяют эти делегации с жаром, – никаких преград мы не ставим, квота сохраняется, по-прежнему das Tor bleibt offen, и Конституцию менять не собираемся, и 116-я статья останется в силе, что ж... приезжайте согласно закону и инструкциям, братьев своих единокровных в беде не оставим, но все же, поймите, в Германии всем места не хватает, нет работы, проблема с устройством, коренные бюргеры, налогоплательщики ропщут, с какой стати, мол, мы должны на этих тунеядцев с Востока жилы тянуть, Lebensraum свой уступать, тесниться, отдавать рабочие места, терпеть их нравы и обычаи, которые чаще всего идут вразрез с нашим устойчивым и излюбленным Ordnung'ом, и чего вы там, в Германии, не видели, когда язык потеряли, обрели русский менталитет, азиатские привычки, размах иной и манеры другие, и профессиями владеете такими, которые в Европе не существуют уже сто лет, и песни ваши, и обряды, простите, воспринимаем, как папуасскую экзотику* (Г. Бельгер «Байсунская, 59»). Процесс усложнения сложного предложения включает следующие компоненты: несобственно-прямую речь (...коренные бюргеры, налогоплательщики ропщут...), полипредикативные единицы (квота сохраняется, 116-я статья остается, приезжайте, не оставим, поймите и проч.). Отсутствие внелингвистических маркеров свидетельствует о неспонтанной подготовленной речи [Земская, 1988] повествователя, показателями которой становятся многочисленные перечисления (однородные члены предложения) проблем переселенцев, цель которых – убедить коренных немцев не возвращаться в Германию.

Итак, отсутствие внелингвистических маркеров оказывается одним из оснований отнесения синтаксических процессов к интеграционным, поскольку на уровне зрительного восприятия фрагмент текста, содержащий интеграционный процесс, становится цельным и неделимым. Однако наличие внелингвистического маркера не является однозначным свидетельством невозможности рассматривать процесс как интеграционный.

Таким образом, в ходе исследования мы установили, что синтаксический повтор, конструирование конструкций с чужой речью, усложнение сложного предложения имеют следующие основания для отнесения их к интеграционным синтаксическим процессам: структурно-семантическое единство, наличие формальных показателей, отсутствие внелингвистических маркеров. На наш взгляд, разработанные основания позволяют отнести к интеграционным и другие синтаксические процессы. Данное направление работы мы считаем перспективным и требующим продолжения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аревкина, В. Т. Целостность семантического восприятия иноязычного научно-технического текста и передача её в родном языке / В.Т. Аревкина, Б.С. Крушняк, М.А. Крылова // Инновации в отраслях народного хозяйства, как фактор решения социально-экономических проблем современности: Сборник докладов и материалов VII Международной научно-практической конференции. – Москва: АНО ВО «Институт непрерывного образования», 2017. – С. 400–406.

Богатырев, А. В. Функционирование фигур интертекста в современном юридическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук / А.В. Богатырев. – Волгоград, 2016. – 168 с.

Брандес, М. П. Стилистика текста. Теоретический курс: Учебник / М.П. Брандес. – Москва: Прогресс-Традиция ИНФРА-М, 2004. – 416 с.

Валгина, Н. С. Теория текста / Н.С. Валгина. – Москва: Логос, 2003. – 173 с.

Воборжил, Л. Лексические и другие средства когезии текста: на материале русского договора / Л. Воборжил. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.msistika.upol.cz/publikace/voborilkohezekoherence.pdf>. (15.10.2019).

Гальперин, И. Р. Интеграция и завершенность текста / И.Р. Гальперин // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1980. – №6. – С. 512–520.

Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования: Изд. 6-е. / И.Р. Гальперин. – Москва: УРСС Эдиториал, 2008. – 144 с.

Григорьева, В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография / В.С. Григорьева. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 288 с.

Земская, Е. А. Городская устная речь и задачи ее изучения / Е.А. Земская // Разновидности городской устной речи. – Москва: Наука, 1988. – С. 5–44.

Казарян, Л. Г. Синтаксис высказывания: предложение <> текст < > художественный текст / Л.Г. Казарян // Преподаватель XXI век, Издательство: Московский педагогический государственный университет, 2009. – №1. – С. 328–336.

Марьина, О. В. Интеграционные и дезинтеграционные процессы в синтаксисе русской художественной прозы 1980-х – 2000-х гг.: дис. ... д-ра филол. наук / О.В. Марьина. – Барнаул, 2012. – 384 с.

Марьина, О. В. Интеграционные процессы в синтаксисе художественной прозы 1980-х – 2000-х гг.: монографи / О.В. Марьина. – Барнаул: БГПУ, 2008. – 171 с.

Марьина, О. В. Специфика повествования от 3-го лица в русских художественных текстах 1990-х – 2000-х годов / О.В. Марьина // Научный альманах. Филологические науки. – 2015. – № 7(9). – С. 141–144.

Марьина, О. В. Интеграционные процессы в синтаксисе художественных текстов начала XXI века / О.В. Марьина // Языки и литературы народов Горного Алтая: международный ежегодник – 2006. – Горно-Алтайск, 2006. – С. 98–114.

Маслов, Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание / Сост. и ред. А.В. Бондарко, Т.А. Майсак, В.А. Плулган. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 840 с.

Мокроусова, О. Ю. Номинативное предложение как единица текста / О.Ю. Мокроусова. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7767>. (15.10.2019).

Москальская, О. И. Грамматика текста / О.И. Москальская. – Москва: Высшая школа, 1981. – 183 с.

Падучева, Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива / Е.В. Падучева. – Москва: Языки славянской культуры, 2010. – 480 с.

Покровская, Е. А. Русский синтаксис в XX / Е.А. Покровская. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 2001. – 436 с.

Тезекбаева, Г. А. Спонтанная речь как объект лингвистики / Г.А. Тезекбаева // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2011. – №1. – С. 76–79.

Чувакин, А. А. Интеграция / дезинтеграция в синтаксисе художественного текста на рубеже 20 – нач. 21 века / А.А. Чувакин // Русский синтаксис: новое в теории, методике, объекте. Сборник материалов Всероссийской научной конференции. – Барнаул, 2003. – С. 59–61.

Чувакин, А. А. Дезинтеграционные процессы в художественном синтаксисе рубежа XX–XXI вв. // Исследования по семантике: межвузовский научный сборник. Вып. 24 / Отв. редактор С.Е. Родионова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – С. 505–514.

REFERENCES:

Arevkina, V. T. Tselostnost semanticheskogo vospriyatiya inoyazyichnogo nauchno-tehnicheskogo teksta i peredacha eyo v rodnom yazyike / V.T. Arevkina, B.S. Krushnyak, M.A. Krylova // *Innovatsii v otraslyah narodnogo hozyaystva, kak faktor resheniya sotsialno-ekonomicheskikh problem sovremennosti: Sbornik dokladov i materialov VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. – Moskva: ANO VO «Institut nepreryivnogo obrazovaniya», 2017. – S. 400–406.

Bogatyirev, A. V. Funktsionirovanie figur interteksta v sovremennom yuridicheskom diskurse: dis. ... kand. filol. nauk / A.V. Bogatyirev. – Volgograd, 2016. – 168 s.

Brandes, M. P. Stilistika teksta. Teoreticheskii kurs: Uchebnik / M.P. Brandes. – Moskva: Progress-Traditsiya INFRA-M, 2004. – 416 s.

Chuvakin, A. A. Integratsiya / dezintegratsiya v sintaksise hudozhestvennogo teksta na rubezhe 20 – nach. 21 veka / A.A. Chuvakin // *Russkiiy sintaksis: novoe v teorii, metodike, ob'ekte. Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. – Barnaul, 2003. – S. 59–61.

Chuvakin, A. A. Dezintegratsionnyie protsessyi v hudozhestvennom sintaksise rubezha HH-HHI vv. // *Issledovaniya po semantike: mezhvuzovskiy nauchnyy sbornik. Vyip. 24 // Otv. redaktor S.E. Rodionova*. – Ufa: RITs BashGU, 2008. – S. 505–514.

Galperin, I. R. Integratsiya i zavershennost teksta / I.R. Galperin // *Izv. AN SSSR. Ser. lit. i yaz.* – 1980. – №6. – S. 512–520.

Galperin, I. R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya: Izd. 6 – e / I.R. Galperin. – Moskva: URSS Editorial, 2008. – 144 s.

Grigoreva, V. S. Diskurs kak element kommunikativnogo protsessa: pragmalingvisticheskii i kognitivnyy aspektiy: monografiya / V.S. Grigoreva. – Tambov: Izd-vo Tamb. gos. tehn. un-ta, 2007. – 288 s.

Kazaryan, L. G. Sintaksis vyiskazyivaniya: predlozhenie < > tekst < > hudozhestvennyy tekst / L.G. Kazaryan // *Prepodavatel XXI vek, Izdatelstvo: Moskovskiy pedagogicheskii gosudarstvennyy universitet*, 2009. – №1. – S. 328–336.

Mar'ina, O. V. Integratsionnyie i dezintegratsionnyie protsessyi v sintaksise russkoy hudozhestvennoy prozyi 1980-h – 2000-h gg.: dis. ... d-ra filol. nauk / O.V. Mar'ina. – Barnaul, 2012. – 384 s.

Mar'ina, O. V. Integratsionnyie protsessyi v sintaksise hudozhestvennoy prozyi 1980-h – 2000-h gg.: monografi / O.V. Mar'ina. – Barnaul: BGPU, 2008. – 171 s.

Mar'ina, O. V. Spetsifika povestvovaniya ot 3-go litsa v russkikh hudozhestvennykh tekstakh 1990-h – 2000-h godov / O.V. Mar'ina // *Nauchnyy almanah. Filologicheskie nauki*, 2015. – № 7(9). – S. 141–144.

Mar'ina, O. V. Integratsionnyie protsessyi v sintaksise hudozhestvennykh tekstov nachala HHI veka / O.V. Mar'ina // *Yazyiki i literatury narodov Gornogo Altaya: mezhdunarodnyy ezhegodnik – 2006*. – Gorno-Altaysk, 2006. – S. 98–114.

Maslov, Yu. S. Izbrannyye trudy: Aspektologiya. Obschee yazyikoznanie / Sost. i red. A.V. Bondarko, T.A. Maysak, V.A. Plungyan. – Moskva: Yazyiki slavyanskoy kulturyi, 2004. – 840 s.

Mokrousova, O. Yu. Nominativnoe predlozhenie kak edinita teksta / O.Yu. Mokrousova. – [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7767>, svobodnyy. (15/10/2019).

Moskalskaya, O. I. Grammatika teksta / O.I. Moskalskaya. – Moskva: Vysshaya shkola, 1981. – 183 s.

Paducheva, E. V. Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyike; Semantika narrativa / E.V. Paducheva. – Moskva: Yazyiki slavyanskoy kulturyi, 2010. – 480 s.

Pokrovskaya, E. A. Russkiy sintaksis v HH / E.A. Pokrovskaya. – Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostovskogo un-ta, 2001. – 436 s.

Tezekbaeva, G. A. Spontannaya rech kak ob'ekt lingvistiki / G.A. Tezekbaeva // Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. – 2011. – №1. – S. 76-79.

Valgina, N. S. Teoriya teksta / N.S. Valgina. – Moskva: Logos, 2003. – 173 s.

Voborzil, L. Leksicheskie i drugie sredstva kogezi teksta: na materiale russkogo dogovora / L. Voborzil. – [Elektronnyy resurs]. – URL :<http://www.msistika.upol.cz/publikace/voborilkohezekoherence.pdf>, svobodnyy. (15.10.2019).

Zemskaya, E. A. Gorodskaya ustnaya rech i zadachi ee izucheniya / E.A. Zemskaya // Raznovidnosti gorodskoy ustnoy rechi. – Moskva: Nauka, 1988. – S. 5-44.